

СМЕРШ —
спецназ Сталина

СЕКРЕТНЫЙ БУНКЕР

Александр Тамоников

СМЕРШ – спецназ Сталина

Александр Тамоников

Секретный бункер

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Секретный бункер / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2020 — (СМЕРШ – спецназ Сталина)

ISBN 978-5-04-112410-6

Апрель 1945 года. Нацистские фанатики отчаянно защищают обреченный Берлин. Части Красной армии с боями прорываются к правительственному кварталу, где в секретном бункере скрываются главари рейха.

Опергруппа СМЕРШ майора Андрея Ракитина захватывает немецкого перебежчика, который сообщает, что в числе прочих в бункере находится высокопоставленный офицер германской разведки, за которым давно охотятся наши оперативники. Ракитин решает с помощью завербованного перебежчика выманить важного немца из укрытия. Майор понимает, что его план слишком дерзкий. Но другого такого шанса уже не будет...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-112410-6

© Тамоников А. А., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	24
Глава четвертая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Александрович Тамоников

Секретный бункер

© Тамоников А.А., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава первая

Был месяц апрель – не лучшая пора для купания. Светило солнце, иногда грело – в те моменты, когда стихал прохладный ветерок. И все же идея зайти в воду и получить от этого удовольствие выглядела, мягко говоря, непродуманной. Но люди купались в звонкой речушке недалеко от старинного каменного моста.

Глубина реки не позволяла окунуться с головой: слишком мелко. Белокурый паренек с добродушной физиономией делал страшные глаза, приседая по шею, выскакивал из воды, энергично растирал грудь и подмышки. Еще один, постарше, кряжистый, с редкими волосами и широким лицом, забрался глубже, поплыл вразмашку, но задел ногой корягу, стал прыгать, чертыхаться.

С берега донесся женский смех. Окраина немецкого городка Ханнесбурга – восточного пригорода Берлина – казалась вымершей. Молодые липы обрастали крохотными листочками. В районе моста теснились дома в стиле фахверк, с островерхими крышами, с вынесенными наружу опорными элементами. Окна в домах были зашторены: местные жители предпочитали не высываться.

По неровному берегу бродили автоматчики в форме военнослужащих Красной армии. Осанистый старший лейтенант в расстегнутой форменной куртке швырял в воду плоские камешки и насвистывал «Марш веселых ребят» Исаака Дунаевского. Мирное течение жизни нарушал только гул канонады на юге.

Образовался и нарастал мотоциклетный треск. Купальщики продолжали резвиться. Под небольшим обрывом сидели двое – коротко стриженный молодой майор в кителе и девушка с погонами лейтенанта. Воротник гимнастерки расстегнут, на плечи наброшена фуфайка, волнистые волосы растекались по плечам.

– Эй, мужики, не околели еще? – звонко крикнула девушка и засмеялась. – Чай, не май месяц!

– Все в порядке, Лизавета Петровна, май на подходе, а мы закаленные! – отозвался добродушный блондин. – Полны, так сказать, задора и огня! Или вы боитесь, что мы себе чего-нибудь застудим?

– Да мне нет дела, что вы там застудите! – засмеялась девушка. – Проверять не буду, пусть другие проверяют! Но учтите, сопли и температура не избавят вас от несения службы!

– Ладно, уговорили: хорошего помаленьку. – Приземистый крепыш выбрался из воды широкими шагами. – Получили заряд бодрости, можно и к печке... Лизавета Петровна, царица вы наша несравненная, ну-ка отвернитесь!

– Чего это я должна отворачиваться? – фыркнула девушка. – Что ли я трусов по колено никогда не видела?

– А он их снимет! – захохотал блондин и тоже стал бочком подбираться к берегу.

– Ой, мамочки, – сказала Лизавета и картинно прижала ладошки к глазам. Крепыш не стал раздеваться догола, закатал трусы по самое место, откуда росли ноги, стал отжимать сильными руками.

Мотоциклетный треск нарастал. Что-то неуловимо менялось в окружающем пространстве, сгущалось напряжение.

Майор переглянулся с осанистым старлеем. Тот отвернулся и швырнул великолепный «блин», тот пропрыгал почти до противоположного берега.

– Bravo, Денис! – Лизавета захлопала в ладоши. – Ты непревзойденный метатель!

– Мечтатель он, а не метатель, – засмеялся белобрысый паренек.

Лизавета покосилась на сидящего рядом майора, облизнула губы. Тот сдержанно кивнул стоящим в отдалении автоматчикам – те курили и делали вид, будто их ничего не касается. Майор широко зевнул и наложил на лицо отсутствующее выражение.

С севера, по дороге, петляющей вдоль берега, приближались мотоциклисты. Колонна вывернула из-за пригорка, теперь катила в облаке пыли. В подразделении было семь или восемь машин – складки местности не позволяли точно пересчитать. Тяжелые «М-72», скопированные советскими конструкторами с немецкого образца БМВ R-71. К каждому мотоциклу крепилась коляска, в ней сидели бойцы с ручными пулеметами Дегтярева. Пилоты маневрировали по изгибам проезжей части. У бойцов мотоциклетного подразделения были неподвижные лица, сами они покачивались в такт движению.

Старший лейтенант Денис Корзун швырнул очередной «блин» – удача изменила ему: камень клюнул в воду. Федор Шашкевич продолжал выжимать трусы, хотя выжимать там уже было нечего. Лейтенант Вобликов передумал покидать речку, окунулся по шею, сделал блаженную физиономию. Возникло ощущение, что ему совсем не холодно.

Андрей Ракитин, кряхтя, приподнялся, глянул вдаль. Под руку попалась фуфайка – он накинул ее на плечи и вскарабкался на глинистый косогор. Почему-то именно сегодня майорские погоны давили на плечи.

Колонна приближалась, заглушая канонаду. Война в этой местности уже отгремела. Ханнесбург почти не пострадал, пережил лишь небольшой артналет, повредивший в центре несколько зданий и отломивший шпиль кирхи. Немцы оставили городок без боя, когда с фланга подошел танковый батальон майора Рябышевского и нависла угроза «котла». С позавчерашнего дня фронт отодвинулся еще на восемь километров, фактически уперся в окраины Берлина. В район Халле к западу от Ханнесбурга спешным порядком, обтекая городок с севера и юга, наступали воинские части. Восточнее окраины не было ничего, за исключением заброшенной птицеводческой фермы. В те края офицеры уже ходили – предприятие не работало, царил адские запахи, липли перья к сапогам...

Головной мотоцикл остановился. Водитель поднял руку, призывая колонну сделать то же самое. Подразделение было неплохо экипировано: каски, плащ-палатки, автоматы «ППШ» и Судаева. В каждой машине – пулемет.

Ракитин подавил зевок, закрыл для приличия рот ладонью. Расслабленной походкой он двинулся к головной машине. С заднего сиденья соскочил подтянутый офицер с погонями старшего лейтенанта, изобразил сухую улыбку. У него было обыкновенное лицо, подпорченное шрамом на подбородке. Старлей небрежно козырнул.

– Здравия желаю, товарищ майор.

– И вам, ребята, не хворать, – согласился Ракитин. – Каких будете? Далече ли путь держите? – Он протянул руку, старший лейтенант почтительно ее пожал.

Бойцы на мотоциклах сидели неподвижно. Прибывший офицер бегло осмотрелся, окинул взглядом купальщиков, задержал взгляд на лейтенанте Лизе – девушка поднялась, улыбнулась молодому офицеру улыбкой Джоконды (явно давая понять, что в женщине должна быть загадка). Офицер с усилием оторвал от нее взгляд, спохватился:

– Старший лейтенант Суслов, командир взвода 22-го мотоциклетного полка. Заблудились мы, товарищ майор, местность незнакомая, а по-немецки у нас никто не понимает. Это Ханнесбург? Здесь дислоцирован штаб 8-й гвардейской армии?

– Угадали. – Ракитин добродушно улыбнулся. – Со вчерашнего дня штаб товарища генерала Чуйкова находится здесь. По дороге поедете, два дома, потом увидите пустырь, слева будет бетонный забор, а там во двор заедете и, считай, на месте. С какой целью прибыли в штаб, товарищ Суслов?

– Приказ заместителя начальника штаба генерал-майора Косорукова. Прибыли для усиления комендантской роты. Имеются все необходимые документы. – Рука офицера потянулась к нагрудному карману, коснулась пуговицы.

– Не нужны мне твои документы, старлей, – отмахнулся Андрей. – Кто мы такие – всего лишь пехота, отдыхаем на природе, так сказать, с разрешения вышестоящего начальства. В боях пауза, можем себе позволить. На шлагбауме документы покажешь – они пропустят. На усиление, говоришь, прибыл? Дело хорошее. Мы подкреплению всегда рады, если народ, конечно, стоящий. Людей в охране штаба не хватает, все в бой ушли. Да не беда, кто тут нападет...

Старший лейтенант снисходительно усмехнулся, посмотрел по сторонам, снова мазнул взглядом лейтенанта Лизу Быстрицкую. Девушка по-прежнему улыбалась – разве жалко улыбки для хорошего человека?

– А у вас тут весело, товарищ майор, – заметил Суслов, – словно и нет никакой войны. Не рановато купаться?

– А мы моржи, – засмеялся из речки Вобликов. – Богатыри, одним словом.

– И богатырши, – зачем-то добавила Лиза, не принимавшая участия в водных процедурах. «Местные» покатались со смеха, и даже Суслов натянуто улыбнулся, хотя глаза оставались холодными.

– Понял, старлей? – улыбнулся Ракитин. – Разве мы не русские люди?

– Да, конечно, – неуверенно согласился Суслов.

– А выпьешь – так и вовсе море по колено, и холод не чувствуется, – добавил Ракитин.

– Вы выпили? – удивился комвзвода мотоциклистов и как-то недоверчиво моргнул.

– А кто нам запретит? – подмигнул Вобликов. – Всю бутылку в один прием и – мама не горюй! За победу, за то, чтобы гидра фашистская быстрее сдохла в своем логове!

Суслов вздохнул и удрученно покачал головой. После чего отдал честь и вернулся к мотоциклу. Оба члена экипажа за время стоянки даже в лице не изменились, словно не понимали, о чем идет речь. Зафыркал двигатель головного мотоцикла, завелись остальные – колонна тронулась в путь и вскоре скрылась за поворотом. Штаб гвардейской армии Чуйкова действительно размещался на этой окраине. Командный же пункт спешно возводили на западе, под Халле.

Колонна скрылась за складками местности. Пошел сигнал по цепочке: прибыли гости...

До штаба, включая проверку на посту, колонна могла добраться за три минуты. Андрей облегченно вздохнул, прыгнул с пригорка и нагнулся за «ППШ». Из канавы, расположенной метрах в тридцати, высунулись два автоматчика в касках, вопросительно уставились на майора. Все это время они лежали в засаде, держа колонну на прицеле.

– Шелех, Мерзоев, отбой! – крикнул Ракитин. Расслабились бойцы в отдалении, уставшие изображать праздный вид. Пока все подтверждалось: время, место, действующие лица и исполнители...

– И чего не одеваются? – рыкнул майор на подчиненных. – Особого приглашения ждете? Развели тут, понимаешь, купальню.

– Так она отворачиваться не хочет, – кивнул на Лизу Шашкевич.

Девушка подавилась смешинкой и быстро отвернулась. Рука сжалась в мозолистый кулак и погрозила подчиненным. Выскочил из воды Вобликов, схватился за обмундирование, сложенное стопкой.

Облачались стремительно, дрожали от холода. Беззаботность и нетрезвое поведение уже никто не изображал. Ракитин влез в рукава фуфайки, затянул ремень. Подошел наигравшийся в «камешки» Денис Корзун.

– А ведь точно не русские, товарищ майор. Обратили внимание на лица? Как маски – злые такие, напряженные. Один старлей чего-то пыжился, выдавливал из себя... И форма на

них со склада. Вот где сейчас, скажите на милость, можно раздобыть форму со склада? Обозы с вещевым довольствием бог знает где, нынче просто не до этого...

– Мы поняли, Денис, – кивнул Андрей. – Это та самая компания, которую мы ждали.

– Бежим к штабу, товарищ майор? – предложил одевшийся Олег Вобликов, – Вдруг нахалтурят или помощь потребуется?

– Отставить. Нечего там толкаться, справятся без нас. Мы свою работу выполнили.

– Уверены, что они ничего не заподозрили? – опасливо спросил Шашкевич, натягивая пилотку. – Мы же не актеры со столичной сцены, играем, как можем, а вдруг переиграли?

– Ясное дело, переиграли, – фыркнул Ракитин. – Плескались, как дети, Лизавета всякую чушь несла. Ладно, будем надеяться, что ничего не заподозрили. В противном случае не поехали бы дальше, а с нами бы сцепились.

Шашкевич глухо ругнулся.

– Федор, не материться! – прикрикнула Лизавета.

– Это еще почему? – не понял старший лейтенант.

– А ты подумай, душа твоя крестьянская!

– Чего это крестьянская? – надулся Шашкевич. – Городские мы, с самых низов пролетарских...

Беспорядочные выстрелы порвали тишину, закруглив пустопорожнюю беседу. Несколько рваных очередей... А затем их накрыл дружный залп! Стреляли «ППШ», пулеметы «Максим», потом взорвались две гранаты, и настала оглушительная тишина.

– Обалдеть... – пробормотал впечатленный Шашкевич. – Словно спирта стакан махнул без закуски. Все кончено, товарищ майор?

– Да, другого мнения быть не может, – понадобилось усилие, чтобы изобразить улыбку. – Перенапряглись, товарищи? – майор насмешливо оглядел подчиненных. – Лица у вас, право слово... А с таким задором изображали веселье.

– Знали бы вы, Андрей Михайлович, чего мне стоило это веселье, – потупилась Лизавета. – Рожать, ей-богу, приятнее...

– Все кончилось, женщина, ступай на свою кухню, – задрал нос Вобликов. – Спасибо за службу, как говорится.

– Я, вообще-то, шифровальщица, – надулась девушка.

– А я что сказал? – Вобликов засмеялся. – А раз шифровальщица, иди и шифруй или что ты там делаешь...

– Товарищ лейтенант шутит, – перебил Ракитин. – Ты молодец, Лиза, в самом деле молодец. Считаю, готова к сложным операциям в тылу врага. Передай майору Воеводу, что контрразведка благодарит за содействие. Ну, что, мужики, пойдете? – Он забросил автомат за плечо стволом вниз. – Пока другие сливки не сняли...

Для нужд армейского штаба было выбрано двухэтажное здание общеобразовательной женской школы. Проблемы обучения немецких подростков в данный период советское командование волновали в последнюю очередь, да и трудно было представить, чтобы в школе проводились занятия.

Подразделение квартирнеров, рыскавшее по округе, наткнулось на пустое здание из прочного камня с теплыми классами, широкими коридорами и уймой запасных выходов. В данный момент здание опять пустовало – часть его обитателей спустилась в подвал, другие дожидались в соседнем квартале.

На плане школа напоминала букву «П». Во внутреннем дворе находились беседки, клумбы, спортивная площадка. Висели обрывки нацистской агитации. Здесь и завершило свой боевой путь мотоциклетное подразделение старшего лейтенанта Сулова. Это были немцы,

элитное подразделение СС для выполнения специальных миссий – одно из немногих оставшихся в распоряжении германского командования.

Изъясняться по-русски мог только «Сулов». Побоище продолжалось несколько секунд. Диверсантов ждали. Автоматчики и пулеметчики прятались за оконными проемами, на лестницах, ведущих в подвалы. Пускать эту ватагу в штаб никто не собирался.

Путь к отступлению им отрезали, едва группа мотоциклистов въехала во двор. Вырваться из западни они уже не могли. А поступить умно – то есть растянуться по дороге – посчитали ненужным. Отряд уничтожили полностью, двор был заполнен мертвыми телами. Многие не успели даже спрыгнуть с мотоциклов, другие успели и даже открыли огонь, но это уже не имело значения. «Элитных» солдат расстреляли в упор, кинжальным огнем, без всякой жалости и сострадания. Из люлек свешивались безжизненные тела пулеметчиков с раскрытыми черепами и окровавленными лицами. Раненых и пленных не было.

У здания переминались автоматчики, закончившие работу, с интересом поглядывали на подходящих оперативников.

– Во психанули... – Вобликов присвистнул. – Слышь, Корнеич, вы чего это тут натворили? А вдруг они наши? А вы, поди, и не спросили! Всякое может быть!

– Да черта с два они наши, – проворчал немолодой старшина, отделяясь от группы курильщиков. – Мы им крикнули, как приличные, мол, так и так, бросайте оружие, вы окружены, сопротивление бесполезно. Так они даже дослушивать не стали, старший проорал что-то на немецком, пару раз успели стрельнуть – вон, стекло разбили, негодники... Ни в кого не попали, и то хорошо. Ну, мы и показали им кузькину мать. Сами виноваты, это стекло, между прочим, теперь наше казенное имущество...

– Ох, Корнеич, Корнеич, – покачал головой Ракитин. – Вот прикажи мужику богу молиться – он и лоб расшибет. Могли бы оставить хоть одного.

– На разведение, что ли, товарищ майор? – обиженно проворчал старшина. – Сами сказали: вражеский десант должен быть уничтожен. Они ж фанатики, как их живыми брать? Озлобленные, бросаются, как психи, на все живое. Вы поковыряйтесь там, может, и найдете раненого, глядишь, и скажет что доброе. Только сомневаюсь, мы их от души свинцом угостили.

Автоматчики сдавленно посмеивались.

– Не беда, товарищ майор, – буркнул Денис Корзун. – Поубивали – и крест на них. Зачем нам эти «языки»? У фрицев агония, мы эту тему скоро закроем. Незачем бойцами рисковать. Перебежчик-то не обманул, верно? Всю правду сказал, чуть не до минуты прибытия. Молодец, значит, не засланный.

– Согласен, – кивнул Андрей. – С этим господином мы еще поработаем, фигура любопытная. Эй, Корнеич, что стоишь, глазами моргаешь с чувством выполненного долга? Убирать кто будет? Для красоты оставим? Сами намусорили – сами и убирайте. Распорядись, чтобы местные пару телег подогнали да увезли куда подальше. Оружие соберите, целые мотоциклы отдельно поставьте – они же наши, советские, найдем им применение.

Командир диверсионной группы «старший лейтенант Сулов» успел выхватить из кобуры «ГТ», но дальше этого дело не пошло. Он лежал у чахлой клумбы, руки по швам, злобно тарачился в небо. «Думаете, выиграла войну? – отражалось в мертвых глазах. – Ничего, мы еще вернемся». Как бы не так, господин хороший – не возвращаются с того света.

Ракитин опустил на корточки, растянул нагрудный карман, стараясь не испачкаться в крови. Все по уму – офицерская, продуктовая, вещевая книжки со всеми положенными подписями и печатями. Но увы... Как говорили раньше: со всеми признаками изготовления в Абвере. Возможности уже не те: плохое оборудование, нехватка информационного обеспечения. Печати смазанные, подписи неразборчивые. А 22-й мотоциклетный полк действует в составе 2-го Белорусского фронта, это вообще не здесь.

Ощущалась досада – ведь у этих бесов могло все выгореть, не получи СМЕРШ донесение от перебежчика. Два десятка эсэсовских громил, которым нечего терять, подкатили бы к штабу, прошли огнем и мечом, уничтожив армейское руководство и парализовав деятельность целой армии. На итог войны никак не повлияет, но сумятицу бы внесли, фашисты сгруппировали бы силы, подтянули резервы и добились успеха на одном из участков фронта...

Одной из задач военной контрразведки было обеспечение безопасности высшего военного руководства. Лишь однажды СМЕРШ не справился с задачей: год назад не уследил за генерал-лейтенантом Ватутиным, попавшим в бандеровскую западню...

До прибытия транспорта убитых вытаскивали со двора, убирали с глаз долой. Волочился по земле раскроенный затылок плечистого пулеметчика, оставляя кровавую дорожку. Не вынес удовольствия молодой красноармеец – согнулся пополам, плеснул рвотой. «Не могу, братцы, столько мертвяков...» – «Соловьев, так это же немцы, – втолковывал бойцу старшина Корнеич. – Трупы врагов. Вот скажи, Соловьев, почему тебя от них тошнит?» – «Так они же в нашем, товарищ старшина, – оправдывался боец, – и рожь, как у наших. Как их вообще отличить?» – «А тебе и не надо их отличать, Соловьев, – смеялись красноармейцы, – сказано «огонь», значит, огонь. А отличают пусть особые органы – они на этом собаку съели».

– Смирно! – взметнулся к крышам трепетный юношеский глас. Все застыли. Из-за угла показалась группа военных. Первым спешил темноволосый мужчина средних лет с открытым насмешливым лицом и с погонами генерал-полковника. Развевались полы расстегнутой шинели. За ним еле поспевала свита – с десятков генералов и полковников. Автоматчики из личной охраны забежали вперед, стали бдительно озираться.

Зрелище, представшее перед командующим 8-й гвардейской армией, его немного шокировало. Генерал остановился, сделал серьезное лицо. Во двор въехала санитарная машина, брошенная немцами при отступлении – все, что смогли найти. Красный крест на борту нелепо соседствовал со свастикой.

– Кто-нибудь может объяснить, что здесь происходит? – с недовольством спросил генерал.

Андрей перехватил выразительный взгляд стоящего за спиной Чуйкова седоватого мужчины, начальника Управления СМЕРШа 8-й армии полковника Старыгина, машинально одернул фуфайку под ремнем, подошел строевым шагом, сжимая ремень висящего на плече автомата.

– Виноваты, товарищ генерал-полковник, не успели прибраться... – пристальный взгляд командующего смерил его, в горле стало сухо. – Майор Ракитин, начальник 3-го оперативного отдела Управления контрразведки 8-й гвардейской армии. Проводится операция по обезвреживанию немецких диверсантов, засланных в наш тыл с целью уничтожения командования армии. Вернее, проводилась... операция. Диверсанты уничтожены, вашему штабу больше ничего не угрожает.

– То есть мы можем возвращаться в помещения и приступать к выполнению своих обязанностей, майор? – в глазах командующего заблестел ироничный огонек.

– Так точно, товарищ генерал-полковник. Просим прощения за шум.

– Да неужели? – Генерал-полковник оторвал взгляд от майора, стал осматриваться. Санитарная машина с немецкими крестами встала посреди двора, не доехав до места. Водитель в кабине усердно делал вид, что находится в другом измерении. Автоматчики, не дождавшись команды «вольно», стали шевелиться, вопросительно поглядывали на старшину.

– Ну, вы и натворили, майор... – вздохнул Чуйков, и было непонятно, одобряет он случившееся или порицает. – Как дети малые, игру затеяли... В детстве не наигрались?

– В детстве не до игр было, товарищ генерал-полковник. – Ракитин снова вытянулся. С трудом удавалось сохранять каменное лицо. Офицеры свиты прятали улыбки. Настороженно поглядывал полковник Старыгин – все могло закончиться весьма нерадушно. Неисповедимо

настроение большого начальства. Он предлагал Ракитину ликвидировать группу диверсантов на подъезде к городу! Но майор уперся, убедил, что надо усыпить их бдительность, позволить подобраться к объекту, сделать так, чтобы они оказались в замкнутом пространстве, на пороге штаба...

Чуйков усмехнулся.

– Ладно, всем вольно. Уверены, майор, что перебили именно тех, кого нужно? На них ведь не написано. Представляете, какой конфуз будет?

– Это немцы, товарищ генерал-полковник. Думаю, элитное подразделение СС – фанатики, да еще идеально подготовленные. Знали, что погибнут. Хотели уничтожить как можно больше представителей армейского командования, включая... вас.

– Они серьезно считают, что это изменит ход войны? – брови командующего удивленно поползли вверх.

– Нам не понять их, товарищ генерал-полковник. Это люди из другого теста. Нацистская пропаганда превратила их в машины. Они идут на смерть, свято веря, что способны переломить ситуацию. Им бы удалось задержать наступление на день-другой, но конечный результат остался бы неизменным, вы абсолютно правы.

– Откуда получили сведения о готовящейся диверсии? Вы точно знали время и место. Если это, конечно, не является секретом оперативной разработки.

– Вообще-то является, товарищ генерал-полковник... – Андрей замаялся. – Мы вели работу с перебежчиком, представителем немецкой разведки...

– Ладно, не полезу в вашу кухню, – отмахнулся командующий. – Пусть каждый занимается своим делом. Откуда они прибыли, майор?

– Мы полагаем, что из района Харлау, товарищ генерал-полковник. По данным разведки, там был дислоцирован парашютно-десантный батальон СС – изрядно потрепанный, но еще не побежденный. Та самая фанатично настроенная публика. Они местные, знают все тропы, подъехали со стороны Бодерского леса. С парашютами их, понятно, не сбрасывали по причине полного краха германской авиации...

– Хорошо, я понял вас, майор, – кивнул командующий. – Выношу благодарность всем отличившимся и вам как разработчику операции. Но в следующий раз постарайтесь сделать так, чтобы работа штаба не оказалась парализованной, как сегодня. Полтора часа в текущих условиях – это целая вечность, улавливаете мою мысль?

– Так точно, товарищ генерал-полковник. Просим прощения.

– Ладно, все в порядке. – Чуйков засмеялся. Расслабился полковник Старыгин, принявший на себя львиную долю ответственности в подготовке операции. – Вы молодцы, майор, слаженно сработали. Продолжайте обхаживать своего перебежчика, раз уж он такой осведомленный.

«Что мы и делаем», – подумал Ракитин, предусмотрительно прикусив язык.

– Имею подозрение, майор, что, кабы не ваш перебежчик, нам бы всем сейчас пришлось туго, так? – ироничный огонек в глазах командующего сделался ярким. – Шучу, майор, работайте, благодарю за службу. И просьба: очистить двор – а то даже покурить не выйти...

Командующий армией резко повернулся и направился к крыльцу. Сопровождающие потянулись следом...

Глава вторая

В оперативном отделе к 23 апреля осталось только трое сотрудников, не считая майора. Потери были огромные, карьера оперативников СМЕРШа обрывалась, едва успев начаться. Свежие кадры не поступали уже два месяца.

В конце января части 8-й гвардейской армии освободили польскую Лодзь и вышли к границам Германии. На тот момент в отделе было двенадцать человек. Двоих убили при форсировании Одера – отбивались от группы диверсантов, пытавшихся взорвать понтонный мост. Двое погибли в Познани 23 февраля – гарнизон капитулировал, но офицеры разведки, представленные исключительно членами СС, сопротивлялись с отчаянием обреченных. Их захват был сопряжен с тяжелыми потерями. Пятеро получили тяжелые ранения 30 марта в крепости Кюстрин – проглядели оставленную немцами ловушку в виде ящика с динамитом. Цинично выглядела шутка капитана-штабиста, едва не получившего от Ракитина в зубы: «К счастью, выжили, скончались уже в госпитале...»

Он берег оставшихся людей, всегда соизмерял риски. С начала апреля похудевший отдел не потерял ни одного человека. Но впереди был штурм Берлина – событие долгожданное, но ад есть ад, и чтобы в нем выжить, надо сильно постараться. Так хотелось хоть одним глазком заглянуть в мирную жизнь...

Перебежчика звали Людвиг Крейцер, он имел звание гауптмана, служил в разведке и не относился к СС. К моменту задержания он имел при себе все положенные документы. Последнее место службы – Берлин, разведывательный отдел при командующем группы армий «Висла» генерал-полковнике Хейнрици. Предыдущее место службы – разведка 46-го танкового корпуса генерала пехоты Гарайса. К концу войны в штабах противника царил неразбериха: кадры тасовали как карточные колоды.

По уверению Крейцера, он прибыл из бункера фюрера, где провел несколько дней, выполняя поручения своего шефа штандартенфюрера СС Эрнста Кампфа. Последний и разработал операцию по заброске в тыл 8-й армии элитной диверсионной группы. Крейцера вчера ночью подобрали на посту охраны в трехстах метрах от штаба. Он шел с поднятыми руками, белый, как кусок полотна...

За прошедшие часы он румянее не стал. Сидел, съездившись, на табуретке, курил советские папиросы в огромном количестве, тоскливо разглядывал стену. Человек был сломлен, морально выжат и безумно устал. За себя он не просил – хлопотал за семью, проживающую в деревне Ланкендорф недалеко от Ханнесбурга.

Крейцеру было лет сорок, среднего роста, весь какой-то иссушенный, землистый. Глаза ввалились.

Ракитин сидел за столом, пристально разглядывал пленного и не мог избавиться от странного чувства. Нет, он не испытывал симпатий к военнослужащим Третьего рейха, однако, глядя на данного субъекта, чувствовал готовность начать это делать.

Все сотрудники собрались в одной комнате и тактично помалкивали. Олег Вобликов непринужденно грыз карандаш. Старший лейтенант Денис Корзун курил у открытой форточки. Шашкевич стоял лицом к обшарпанной карте и открывал для себя новые земли и города.

– Ваши сведения оказались верными, Людвиг, – доброжелательно сообщил Ракитин. Немецким языком он владел не в полном объеме, но наверняка лучше всех присутствующих – спасибо врожденной расположенности к языкам. – Все совпало с точностью до часа. Диверсионная группа обезврежена и уже не представляет опасности. Мы вам весьма признательны.

– Хорошо... – Крейцер кивнул, не поднимая головы. – Не могу сказать, что я в восторге... Вы их наверняка убили, а это были мои соотечественники...

– У вас угрызения совести? – Андрей украдкой переглянулся с подчиненными. Те внимали беседе. За исключением Шашкевича определенные познания в языках у ребят имелись – в общении они не блистали, но смысл разговора понять могли.

– А вы как думаете? – криво усмехнулся Крейцер. – Я немец, с этим ничего не поделаешь.

– Понимаю. У вас есть претензии к условиям содержания? Вас нормально кормят?

– Да, все устраивает. Радует уже то, что я до сих пор жив. Хотя не уверен точно, что радует... Могу повторить ранее сделанное заявление, господин майор: я готов сотрудничать с русскими властями, сообщить все, что знаю, при этом даже не прошу снисхождения к себе лично. Прошу об одном: не трогайте мою семью, проживающую в Ланкендорфе. Они ни в чем не виноваты. Они не военные. Это моя супруга Габриэлла, дочка Барбара – ей семнадцать лет, отец Габриэллы Густав Каульбах. Ему 75, Густав вдовец, никогда не имел отношения ни к СС, ни к НСДАП, работал наборщиком в типографии, получил ранение в армии в 1916 году, с тех пор сильно хромает...

– Мы не воюем с мирным населением, Людвиг. О своей семье можете не беспокоиться. Скажу вам больше: принесете пользу – о семье позаботятся особо, они ни в чем не будут нуждаться и никто не покусится на их жилище.

– Антифашист, клейма ставить негде... – фыркнул, не поворачиваясь, Шашкевич. Немец словно что-то понял, еще сильнее занервничал.

– Заткнитесь, товарищ старший лейтенант, – проворчал Ракитин. – Вот дадут вам слово – провозглашайте что хотите, даже политические манифесты, разумеется, не вразрез с линией партии. Вы, Людвиг, я так понимаю, не являетесь убежденным сторонником нацистского режима? Да, вы давали присягу служить рейху, но я не думаю, что это был осознанный выбор.

– Большинство мужчин в этой стране служили в армии, – пожал плечами Крейцер. – Никого не спрашивали, хочет ли он это делать. Да, поначалу мы все были заморожены, верили фюреру, идея превосходства немецкой расы казалась такой привлекательной. Увы, по долгу службы я знаю, что произошло с миллионами евреев, знаю про концлагеря смерти с их газовыми камерами, про то, что делали с военнопленными, что вытворяли СС и СД на оккупированных территориях... Прошу поверить, я никогда не имел к этому отношения и в полной мере начал узнавать об этом совсем недавно. Я военный человек, моя обязанность – противодействие вооруженным силам другого государства. Режим фюрера падет – это я приветствую, гибель же миллионов немцев меня удручает...

– Умолчим про гибель десятков миллионов советских людей. И о том, насколько это удручает нас. Мы склонны верить вам, Людвиг, вы сами пришли, к тому же оказали нашей стороне услугу... – Андрей сделал предостерегающий жест Корзуну – тот явно намеревался выразить протест. – Давайте, Людвиг, освежим в памяти все, что вы уже сказали, после чего постараемся вспомнить что-нибудь еще. Кстати, можете не беспокоиться за свою жизнь: пленных офицеров вермахта советские власти не уничтожают. Тем более вы пришли добровольно.

– Просто надоело... Все бесцельно, нет перспективы... К тому же возникают серьезные сомнения в правоте нашего дела... Национал-социалисты проиграли. Как говорят у вас в России: они допели свою песню...

– В России говорят «ваша песенка спета», – поправил Корзун и предусмотрительно заткнулся.

– Еще вчера днем я находился в бункере фюрера, расположенном во дворе рейхсканцелярии в правительственном квартале... Я лично отправлял в штаб 39-го пехотного полка майора Краубе донесение, составленное штандартенфюрером Кампфом. Послание было засекречено, шло через радиоэфир в закодированном виде. В нем-то и предписывалось к определенному часу забросить в Ханнесбург диверсионную группу с целью уничтожения руководства 8-й армии русских, нацеленной на Берлин...

– Ваш полковник Кампф не без талантов, – хмыкнул Андрей. – Точно все высчитал.

– Да, агентурные данные продолжают поступать. В гораздо меньшем объеме, чем раньше, но все же. В подземельях правительственного квартала трудятся опытные специалисты по ведению разведки, там большой радиоцентр, к которому до недавнего времени я был приписан. Не поймите неправильно, – спохватился Крейцер, – я не являюсь постоянным резидентом этого бункера. Но там большая текучка кадров. Застрелился майор Шлоссенбаум, работавший с Кампфом, не знаю, была это минутная слабость или что-то еще. Он узнал, что в Мюнхене, который бомбили американцы, под развалинами погибла его семья... Меня откомандировали в фюрербункер из штаба генерал-полковника Хейнрици по просьбе штандартенфюрера Кампфа. Я неплохой специалист по радиоделу, знаю коды и шифры многих секретных частей, могу починить аппаратуру даже высшей категории сложности. Понятно, что я не получил удовольствия от командировки в подземелье...

– Как долго вы находились в бункере?

– С 16 апреля, господин майор. Ваши войска начинали штурм Зееловских высот, требовалась тщательная обработка данных, поступающих от разведывательной агентуры.

– Куда вас отправили вчера?

– Герр Кампф не был уверен, что секретное донесение дошло до штаба подразделения майора Краубе. Мы не получили подтверждения. Телефонная связь с пехотной частью тоже отсутствовала. Это было странно. В районе, где дислоцировано формирование Краубе, боевые действия пока не велись. Кампфу требовалось подтверждение, и он послал меня. Транспорта не было, я отправился пешком. Часть пути преодолел на городском автобусе – как ни странно, общественный транспорт кое-где ходил. Но за Ангельтплац все стало плохо, там работала ваша артиллерия. Мне помогли парни из саперной роты – оставшуюся часть пути я прошел по техническому тоннелю метро...

– Полагаю, до Краубе вы так и не добрались?

– Вынужден вас огорчить – добрался. Я испытывал сильные противоречия и все же дошел до позиций полка. Не буду оправдываться, это был мой долг. Штандартенфюрер Кампф опасался не зря: в радиоузел попал артиллерийский снаряд, телефонная связь оказалась нарушена, и ее еще не восстановили. Начальник штаба полка принял мое послание, сказал, что свяжется со специальным подразделением СС. Из соседнего подразделения, занявшего квартал Люфтемайне, я дозвонился до бункера, передал рапорт штандартенфюреру. Кампф поблагодарил за работу, приказал немедленно возвращаться. И уже на обратном пути, когда неподалеку взорвался снаряд, меня засыпало землей и завалило камнями, я получил контузию...

– К вам явился Бог, – усмехнулся Андрей, – и произошла переоценка ценностей.

– Не понимаю, почему вы иронизируете. Я до последнего пытался выполнять свой офицерский долг, как бы мне ни претила эта работа... В районе Рейкштрассе я видел, как на восток гонят колонну фольксштурм. Это вчерашние обыватели, заводские рабочие, многих берут в ополчение, не спрашивая их согласия. Подразделением командовал эсэсовский офицер. При нем были два унтершарфюрера. Двое мальчишек – какие-то бывшие подмастерья, кинулись в развалины, бросив оружие. Им не хотелось воевать. Унтер подстрелил одного, когда тот прыгал по руинам. Второй запнулся, лежал, плакал. К нему подошел офицер и выстрелил в голову из «парабеллума»... Это наши граждане, вчерашние школьники, как он мог? Эти люди – звери, они не имеют права существовать... Я дождался, пока уйдет колонна, стал выбираться из города в восточном направлении... Теперь я все решил твердо...

– Вы странный человек, Людвиг, даже с учетом ваших душевных метаний. Создаете сложности, донося до Краубе распоряжение вашего шефа, а потом бежите к нам, чтобы все исправить. Ладно, не будем разбираться, что происходило в вашей голове. С семьей вы, значит, не виделись?

– Виделся, – вздохнул Крейцер. – Деревня Ланкендорф – на юго-западе от Ханнесбурга. Там нет войск. Местность открытая, насквозь простреливается. Я прошел перелесками, встре-

тился с семьей... Они испуганы, сидят в подвале, но все живы. Каюсь, была мысль остаться дома, выдать себя за кого-то другого... Но это глупо: долго не продержаться, меня бы сдали соседи. А бежать с семьей мне некуда, к тому же мой тесть Густав болен... Я принял решение. Габриэлла с Барбарой плакали, просили никуда не ходить, но я это сделал. Я могу оказать вам содействие, господин майор, пусть мои знания и не так обширны, но с одним условием – моя семья не должна пострадать.

– Вы повторяетесь, Людвиг. Мы поняли и дали вам гарантии. Будет плодотворное сотрудничество – все останутся довольны и даже счастливы. Компенсирует помощь ваши прегрешения – останетесь на свободе и вы. Слово советского офицера, имеющего полномочия. Что вам известно о бункере и населяющих его существах?

– Мои познания вас не впечатлят... Уверен, ваша разведка работает даже в Берлине и руководство обо всем знает... Гитлер переселился в бункер 15 января. Тогда здание Имперской канцелярии еще не было полностью разрушено. До марта он его иногда покидал, совершал поездки по делам. С 15 марта, когда приблизились ваши войска, он перестал покидать подземелье. Вышел только однажды, 20 апреля, в свой день рождения, когда награждал членов Гитлерюгенд, подбивших много танков. И снова отправил их на фронт... В тот же день он блуждал по развалинам канцелярии в сопровождении своего шеф-адъютанта обергруппенфюрера Юлиуса Шауба и личного адъютанта Отто Гюнше. Вокруг него вертелись фотографы, кинооператор... Я видел его только два раза, и то мельком. Фюрер замкнут, подавлен, мало с кем общается, превратился в серое привидение, но еще не потерял надежду. Бункер расположен в саду канцелярии, в 120 метрах к северо-востоку от здания. Имеет два выхода – один в сад, другой ведет под землей в канцелярию. Это двухуровневый подземный комплекс, в нем больше двадцати помещений, включая конференц-зал. Все оборудовано по последнему слову техники, есть все удобства. Внутри – помещения оперативного штаба, большой радиоузел. Над головой – пять метров железобетона, хорошая система вентиляции, обогрев, водопровод. Бункер тщательно охраняется подразделением личной охраны фюрера. Из объекта осуществляется связь со всеми войсками в Берлине и за его пределами, там сидят партийные бонзы, высокопоставленные чины СС...

– То есть Гитлер из бункера никуда не выходит? – уточнил Андрей.

– Абсолютно. Об этом мне рассказал по секрету герр Кампф. А теперь уж точно не выйдет. Несколько раз ему предлагали бежать из Берлина, перебраться в другую страну, но фюрер постоянно отказывается, цепляется за последнюю надежду. Сейчас у него очередная идея фикс – все надежды устремлены на 12-ю армию генерала Венка, стоящую на Западном фронте у Эльбы. Возможно, уже завтра поступит приказ о вводе армии в Берлин. И если это произойдет, то вам придется трудно... Но мой шеф, герр Кампф, убежден, что Венк на Берлин не пойдет, поскольку уверен, что это дорога в западню и за несколько дней он просто потеряет все свои войска.

– Что же, по мнению Кампфа, предпримет Венк?

– Обойдет Берлин с юга и отправится на соединение с окруженной армией генерала Буссе, после чего вернется с ней к Эльбе. Подобные идеи генерал Венк уже высказывал. Его не волнует Берлин и страдающий в бункере фюрер. Но это только предположение. Что произойдет на самом деле, никому не известно. В бункере царит уныние. Наиболее хладнокровные офицеры и генералы продолжают выполнять свои обязанности, остальные пребывают в депрессии, их поведение уже никого не волнует. Несколько человек покончили жизнь самоубийством. Прощается алкоголизм, приводят проституток, которые потом жалуется, что у этих пропитых и подавленных господ ничего не получается...

– Бражничают, черти... – еле слышно проворчал Шашкевич.

– Кто из заправил Третьего рейха находится в бункере?

– Трудный вопрос, господин майор... Большинство не привязано к бункеру, могут отлучаться, потом возвращаются... Я работал на верхнем уровне, там же и спал в специально отведенном закутке, видел немного... В бункере точно проживают фюрер со своей любовницей – у них комната со всеми удобствами. Почти постоянно присутствует министр пропаганды Геббельс – там же проживают его супруга Магда и все их маленькие дети. Я не уверен, сколько их, но много, пятеро или шестеро... Магда – видная привлекательная женщина, но сейчас похожа на привидение в длинном платье. Если столкнешься с ней на лестнице ночью, испугаешься... Геббельс редко покидает бункер. Другие обитатели: рейхсляйтер Борман – личный секретарь и ближайший советник фюрера, Генрих Мюллер – глава Четвертого управления РСХА, иначе говоря, гестапо... В бункер часто приезжает генерал пехоты Вейдлинг, командующий берлинским гарнизоном, генералы Кейтель, Штумпф... 20 апреля, в день рождения фюрера, генерал СС Монке заявил, что оборона правительственного квартала как никогда крепка, и было проведено торжество. Прибыли важные персоны. Помимо упомянутых явились Шпеер, рейхсфюрер СС Гиммлер, Герман Геринг, министр иностранных дел Риббентроп... Но большинство из этих людей не задержались. Геринг за последующие три дня успел провиниться перед фюрером. Я слышал, что готовится приказ об объявлении Геринга предателем рейха, лишении звания и государственных наград...

– Мы, кажется, тоже поздравили фюрера? – задумался Корзун.

Оскалился Олег Вобликов. 20 апреля советская артиллерия нанесла сокрушительный удар по Берлину. Не исключено, что именно он сровнял с землей остатки рейхсканцелярии.

– Как насчет Вальтера Шелленберга? – поинтересовался Ракитин. Фигура молодого шефа внешней разведки, главы 6-го управления РСХА, вызвала крайний интерес. Но сомнительно, чтобы этот хитрый и прожженный лис, один из ближайших приближенных Гиммлера, сидел в бункере посреди Берлина и дожидался логического конца. Не та фигура. Что и подтвердил, не задумываясь, Крейцер:

– Ни разу не видел его, господин майор. По некоторым сведениям, Шелленберг находится на севере Германии или прячется где-то еще. Ходили слухи, будто бы он участвовал в сепаратных переговорах с западными странами, то есть предал фюрера... В бункере находятся несколько его заместителей: оберштурмбаннфюрер Гельмут Витке, бригаденфюрер Йозеф фон Трауберг...

– Стоп, – сказал Андрей.

Холодные мурашки поползли по коже.

Крейцер застыл с открытым ртом, потом подумал и медленно его закрыл. Оперативники с любопытством уставились на командира. А у майора вдруг закипел мозг, забегали шарики с роликками. Он не шевелился, смотрел на Крейцера широко открытыми глазами.

– Вы словно бога увидели, товарищ майор, – опасливо заметил Шашкевич. – Чего вы так задумались?

Корзун показал ему кулак: дескать, раздели молчание с командиром. Шашкевич сглотнул и сделался нем как рыба. За Йозефом фон Траубергом органы контрразведки охотились не один год. В 41-м – полковник Абвера, чуть ли не самый информированный человек в ведомстве адмирала Канариса. Трауберг курировал на западной границе СССР школы по подготовке шпионов и диверсантов. Лично работал с наиболее перспективными кадрами. После начала войны возглавлял управление разведки и контрразведки в оккупированном Киеве, потом перебрался в Смоленск, где снова взялся за старое – внедрял лазутчиков в советский тыл.

Это был предельно умный и осторожный человек, не чурающийся, впрочем, дерзких и отчаянных шагов. С интуицией у господина полковника был полный порядок. Он чувствовал, что нужно делать и с кем вести дела. У фон Трауберга был колоссальный опыт – еще со времен Империалистической войны и злоклучений Веймарской республики. После перелома под Курском фон Трауберг снова перебрался в Польшу, где продолжал плести агентурную паутину.

Сведения о нем поступали крайне скудные. Он был, пожалуй, самой информированной и компетентной фигурой в немецкой разведке. Именно в его руках находилось управление агентурной сетью «длительного оседания», он лично создавал ячейки разведсети, назначал руководителей и координаторов. Фронт откатился на запад, но агентура осталась, и что она теперь будет делать? Вольется в мирную и созидательную жизнь? Что-то подсказывало – нет.

За асами Абвера охотятся западные спецслужбы (многие асы сами сбегают на Запад). Что предпримут английские и американские разведки, когда в их руках окажутся готовые подпольные сети, члены которых ненавидят советскую власть? Вопрос риторический.

О живучести фон Трауберга говорил и тот факт, что после памятного мятежа 20 июля, когда вменяемая часть офицерского корпуса поднялась против фюрера, его не расстреляли, не предали опале, а повысили до бригаденфюрера, введя в «приличное общество» СС и назначив одним из заместителей главы 6-го управления РСХА.

– Наш друг Людвиг упомянул фон Трауберга, – глухо вымолвил майор. – Того самого. Надеюсь, все помнят, о ком речь.

– Который подлежит отлову и усыплению. Мы помним, товарищ майор, – пошутил Вобликов. – Надо полагать, он теперь постоянно проживает в бункере?

– Ничего себе, – почесал затылок Корзун.

– Очень даже ничего себе, – подтвердил Андрей.

– И что нам с того? – пожал плечами Шашкевич. – Где мы и где бункер? Пока дойдем до рейхсканцелярии, эта тварь в бега подастся или руки на себя наложит. Не принесет он нам свои секреты на блюдечке с голубой каемочкой.

– Фон Трауберг постоянно находится в бункере? – спросил Ракитин. Лицевые мышцы сводила судорога.

Пленник сразу подобрался.

– Фон Трауберг крайне немногословный и задумчивый человек... Я вижу его регулярно, он имеет в бункере свое помещение. Но я не могу сказать, постоянно ли он там находится. Из всех присутствующих это наиболее видный представитель внешней разведки. Ему особо доверял Шелленберг. Бригаденфюрер не является моим начальником, мы фактически не контактировали. Мой непосредственный руководитель – штандартенфюрер Кампф, который в свою очередь является подчиненным фон Трауберга. Действовать через голову начальства у нас не принято...

– Какой из себя фон Трауберг? У него есть семья?

– Траубергу лет шестьдесят, он сухопарый, высокий, имеет офицерскую выправку, волос короткий, седой. Характерная примета – пигментное пятно на левой скуле. О семье ничего не известно. Безусловно, она есть, но этими данными никто не располагает. Если офицер высокого уровня намерен держать в секрете свою личную жизнь, то ему, как правило, это удается.

– Вчера фон Трауберг находился в бункере?

– Кажется, да... Точно – да. Я видел его в компании Бормана.

– Хорошо...

– Разрешите замечание, товарищ майор? – подал голос Корзун. – В бункере фюрера, насколько мне известно, обитают только те, кто продолжает верить в победу Германии, то есть люди со сдвинутой психикой. Компетентный, умеющий думать высокопоставленный офицер разведки к таким персонам не относится...

Ракитин перебил:

– А также в бункере находятся те, кто делает вид, будто верит в победу Германии, но фактически преследует другие цели и уже наметил пути отхода. Гитлер и Геббельс – фигуры насквозь одиозные, понимают, что дни их сочтены, где бы они ни находились. После взятия Берлина у них нет будущего. Для Мюллера, Бормана, Трауберга и иже с ними все достаточно неоднозначно. Они не убегают, пока в правительственном квартале сохраняется видимость

порядка и ситуация не выходит из-под контроля. Потом они исчезнут, просто растворятся в воздухе – помяните мое слово.

Бригаденфюрер Йозеф фон Трауберг был самой желанной целью для руководства СМЕРШа, на нарах в изоляторе контрразведки он смотрелся бы идеально. Прекрасная возможность одним ударом разрубить запутанный гордиев узел! Но в данной ситуации он был как пресловутый локоть, который близко, а укусить нельзя! Разве что...

Идея была неотчетливой – даже не идея, а какие-то авантюрные наброски. Заправили Третьего рейха контрразведку волновали в меньшей степени, нежели осведомленный генерал 6-го управления. Заправили никуда не денутся, их так или иначе настигнет кара, а вот люди вроде Трауберга могут уйти в параллельный мир – вместе со всеми потрохами и секретами. Ищи их потом среди пингвинов на юге Аргентины или Чили!

Оперативники начинали осознавать щекотливость момента, переглянулись. Потом всей компанией пристально помотрели на Крейцера. Немецкому офицеру стало не по себе, он заерзал на стуле.

– Вы уже приняли свое важное историческое решение, Людвиг? – мягко спросил Раки-тин. – Готовы ли вы искупить вину перед будущими поколениями?

– О чем вы говорите? – забормотал немец. – Я дезертировал из германской армии, полностью расстался со своим прошлым, для меня уже нет возврата... Я готов сотрудничать с советскими властями, предоставить им все имеющиеся сведения. Но должен честно предупредить, что мне известно немногое...

– Вот именно, – многозначительно хмыкнул Андрей. – Где, говорите, проживает ваша семья, Людвиг?

Полноприводный «Виллис» повышенной проходимости в отличие от советских аналогов упрямым норовом не обладал, слушался руля и ловко объезжал препятствия. Погода позволяла отказаться от закрытого кузова. К трем часам дня солнце разогрело землю, стих ветерок, температура воздуха была почти летняя.

Майор крутил баранку, смотрел по сторонам. Оперативники сжимали в руках автоматы. Чужая земля была полна сюрпризов, люди часто гибли, теряя бдительность. С любой крыши мог пальнуть подросток из «панцерфауста», под колесами мог рвануть фугас, установленный пять минут назад...

На открытом пространстве отчетливо слышалась канонада. Окрестности Ханнесбурга казались нетронутыми – этаким оазис посреди ужасов разрухи и смерти.

Дорога была укатана, зеленела трава в поле. Клены и липы покрывались мелкими листочками. Среди деревьев мелькали черепичные крыши всевозможных оттенков цветового спектра. Природу рисовали с картинки – и это восхищало и раздражало одновременно! Слово «деревня» не имело ничего общего с тем, к чему привыкли русские люди. Все вокруг было чисто, за заборами зеленели лужайки, кое-где пробуждались первые весенние цветы.

– Живут же буржуины... – ворчал под нос сидящий рядом Федор Шашкевич. – Мальчища-Кибальчища на них нет... Как же так, товарищ майор? Ну, ничего, мы их завалим нашей исконной грязью, они еще пожалеют, что с нами связались...

Мужик был в принципе неглупый, лишнего не позволял и в крайности не бросался. Но порой на Шашкевича нападала злость, и он едва сдерживался. Родня офицера до войны проживала в белорусской Орше. Жена и дочь успели эвакуироваться (фотокарточку супруги Федор часто показывал, красавицей она не была, но это не обсуждалось), а родня старшего поколения по обеим линиям осталась в оккупации. Когда фашистов погнали из Белоруссии, Шашкевич выяснил, что выжила только теща, и эта новость ввергла его в глухую прострацию. Супруга обустроилась в Куйбышеве, забрала мать, теперь родня сидела на волжских берегах и терпеливо ждала, когда с фронта вернется кормилец...

Шашкевич обернулся, исподлобья обвел взглядом сидящих сзади. Ракитину не было нужды вертеться, все видел в зеркало. Людвиг Крейцер теснился в центре, съезжился, поглаживал кисти рук. Он еще не понял, что ему готовят, но уже наполнялся страхом. Вобликов и Корзун подпирали его с боков, для порядка хмурились, поглядывая на немца с театральной угрозой.

– Вы не причините зла моей семье, правда? – выдохнул Крейцер.

– Людвиг, вы снова повторяетесь, не надоело? – бросил Андрей и закончил на русском, который для Крейцера был непонятен: – Разве может Красная армия причинить кому-то зло? Мы причиняем только добро – особенно это касается дружественной немецкой нации...

Беззвучно оскалился Шашкевич, ухмылялись сидящие сзади оперативники.

Под липами на удалении расположилась танковая рота. На опушке выстроились в линию прославленные «тридцатьчетверки», между машинами сновали механики и прочая военная публика. Красноармейцы собирали палатку, что явно означало – рота получила приказ выдвигаться.

– Я не понимаю, зачем вы собираетесь штурмовать Берлин, – жалобно проговорил Крейцер. Оперативники строго насупились. Олег Вобликов стал выразительно потирать кулак, уже имевший опыт умиротворения особо вспыльчивых.

– Что за ересь вы несете, Людвиг? – Андрей вскинул глаза к зеркалу заднего вида. – Вроде грамотный человек, все понимаете...

– Вот именно, я грамотный человек и все понимаю, – пленник осмелел – Берлин огромен – со всеми пригородами его не объехать за неделю. Это старинный европейский город, имеющий множество архитектурных памятников, уверяю вас, они не имеют отношения к нацизму. Ладно, я понимаю, что эта красота вас не трогает, вы готовы стереть с лица земли город, считающийся колыбелью национал-социализма. Я понимаю вас, знаю, какие беды мы причинили вашей стране. Но все равно это невыносимо. Берлин превратили в неприступную крепость. Каждый дом – пункт обороны, напичканный оружием. Город обороняют около трехсот тысяч солдат. В большинстве это даже не вермахт – охранный полк «Гроссдойчланд», дивизия СС «Нордланд», французская дивизия «Шарлемань» – это тоже СС; подразделения личной охраны Адольфа Гитлера... Эти части будут биться до последнего, им нечего терять. Если в Берлин войдет армия Венка, вам станет вдвойне тяжелее. Я не понимаю, зачем с военной точки зрения требуется штурм? У вас подавляющее количество войск и техники. От Германии остался небольшой клочок земли – у фюрера нет войск, нет боевой техники, практически не осталось горючего. В небе – господство советской авиации. При штурме город будет полностью разрушен, а вы только убитыми потеряете несколько армий. Для меня непостижимо – зачем? Можно окружить Берлин кольцом – и просто ждать. Через неделю-две гарнизон сдастся – ему будет нечего есть и пить, в городе начнутся болезни, вспыхнут голодные бунты. Вы сможете без боя войти в город и прибрать его к рукам. Добьетесь именно того, чего хотите. Этот поступок оценит весь мир, возрастет престиж Советского Союза. Зачем нужен штурм? Доказать миру, что вы умеете брать города, теряя при этом огромное количество своих солдат? Об этом и так все знают...

Ракитин стиснул зубы. Немец говорил именно то, что не раз приходило в голову и ему, офицеру СМЕРШа. Потери будут ужасными, а ведь эти люди остались бы жить, вернулись бы домой, к семьям, влились бы в процесс восстановления страны, нарожали бы детей... И как верно подметил Крейцер, результат бы не изменился! Для чего погибнут все эти люди? В угоду крупным военачальникам, реализующим свои амбиции?

Об этом не хотелось думать. Есть решение Ставки Верховного Главнокомандования, лично товарища Сталина – Берлин должен пасть в кратчайшие сроки, никакой осады, прекращение огня – только при условии полной капитуляции! Это большая политика, и престиж Советского Союза не пострадает! Пусть боятся!

– Вы ничего не понимаете, Крейцер, судите о происходящем с каких-то своих заоблачных колоколен. Почему бы вам просто не заткнуться, пока у нас неплохое настроение?

Растеребил душу, поганец! Остальные тоже поняли суть сказанного, раздраженно пыхтели. Все, что сделал полезного этот человек, уже не было причиной не дать ему в зубы.

«Виллис» въехал в деревню, покатыл по узкой улочке, мощенной булыжником. Стены домов сияли светло-кремовой краской. Необычно смотрелись опорные балки конструкций, закрепленные на наружных стенах. В советской архитектуре подобное не практиковалось. На широких подоконниках теснились горшки с цветами – в ночное время их, видимо, заносили внутрь, чтобы не мерзли. По стенам плелись выюны – пока еще голые стебли с зеленеющими почками.

Андрей затормозил у закрытого частного заведения. В окне красовалась готическая вязь – название кафе. Оплетенные стеблями бочки были сдвинуты в кучу, столики составлены друг на друга. Заведение не работало, все двери были закрыты. Со стены сорвали плакат – остались обрывки. Все правильно, незачем злить русских фашистской пропагандой...

– К машине, – скомандовал Ракитин. – И аккуратнее давайте, здесь повсюду глаза.

На соседнюю улицу вела длинная лестница. Контрразведчики поднимались, внимательно оглядываясь. Ударить могли с крыши, из окна – фанатиков хватало, особенно из числа подрастающего поколения. За зашторенными окнами сновали тени, показался настороженный глаз «добропорядочного» бюргера.

– Ничего себе деревня, – урчал Шашкевич. – Да какая это, к лешим, деревня? Ни огородов, ни навоза, ни курей с поросями. Вот то ли дело наши деревни...

Улочка наверху, куда они поднялись, была пустынна. Над крыльцом напротив нависала громоздкая мансарда. Учившийся на архитектора Корзун озадаченно посмотрел на нее, пожал плечами. Действительно, ничего рационального, архитектор был пьян и лепил что попало...

– Это и есть мой дом, – обреченно вымолвил Крейцер.

– Стрелять будут? – пошутил Ракитин.

– Что вы, ни в коем случае, – заволновался Крейцер.

Но не все прошло гладко. В половине дома на двух этажах действительно проживала семья Крейцера. Посторонние отсутствовали. Взволнованно зашебетали женщины: рано посевшая статная Габриэлла (такое ощущение, что она была старше Крейцера), белокурая девушка Барбара, прячущая свою тонкую фигурку под бесформенным шерстяным платьем.

Они зарыдали, обнимая растерянно улыбающегося отца. Габриэлла выдавила сквозь слезы: «Ты вернулся, Людвиг, о святой Иисус, ты вернулся, а мы боялись, что никогда тебя не увидим... О святая Жозефина, кто эти люди с тобой?»

Обитатели жилища со страхом смотрели на людей в советской военной форме. Те прошли в гостиную (вытерли, однако, ноги о коврик), растеклись по комнатам.

Крейцер успокаивал домашних: все в порядке, эти страшные люди не такие уж страшные, обещали не вредить, они вполне воспитанны, по крайней мере отдельные из них... К старшему лейтенанту Шашкевичу это никоим образом не относилось. Он бычился, глядел исподлобья, прожигая взглядом ничем не повинных немецких женщин. А потом удивился – чего это они шарахаются?

– А ты будь проще, Федя, – ухмыльнулся Вобликов. – Просто улыбайся и не говори вслух, что ты думаешь. И люди тебя полюбят, потянутся к тебе.

– Да сдалась мне их любовь, – прогудел Шашкевич. – Не знаю, мужики, не по мне это, недолюбливаю я их...

– Слушай, ты нам все портишь, – разозлился Андрей. – Не умеешь себя вести – выйди на улицу и покури. А то разжалую к чертовой матери, первым побежишь Рейхстаг брать.

– Да я лучше на Рейхстаг пойду. – Шашкевич собрался сплунуть под ноги, но не решился. – Я наверх поднимусь, посмотрю, что там...

Ужас в женских глазах частично померк – видно, Крейцер им что-то втолковал. Второстепенную задачу группа выполнила: в деревне Ланкендорф действительно проживало семейство Крейцера, за которым контрразведке отныне предстояло присматривать. «Взять с собой, пристегнуть к обозу?» – мелькнула странная мысль. Ведь войска не стоят на месте. Впрочем, не факт, несколько дней штаб армии будет точно находиться в Ханнесбурге. Полковник Старыгин выделит автоматчиков для присмотра за беспокойным семейством...

– Людвиг, уведите женщин в спальню или еще куда. Они напрасно волнуются. Объясните им, что сейчас вы поедете с нами, но, возможно, в скором времени вернетесь и будете жить мирно и счастливо.

– Правда? – отчаянная надежда заблестела в глазах гауптмана. – Спасибо, господин майор. Вы сами в это не верите, но все равно спасибо за надежду...

Он что-то пролепетал своим домочадцам и увел их в спальню. Наверху раздался крик, что-то упало. Семейство и впрямь оказалось беспокойным! Оперативники устремились на лестницу, передергивая затворы автоматов. Чертыхнулся Вобликов – сбил плечом картинку в рамочке. Она запрыгала по ступеням, разбилась. С протестующими криками выбежали из спальни женщины.

– Не трогайте Густава! – кричала Габриэлла. – Он старый больной человек!

Шашкевич поздно сообразил, что не на того поднял руку. Старик попытался оказать сопротивление – пошел на старшего лейтенанта с торшером наперевес! А тот не разобрался в ситуации и вlepил тому оплеуху. Торшер разбился, старик отлетел к дивану, теперь сидел на коленях, трясся и размазывал слезы. Он выглядел неважно: морщины избородили лицо, кожа под глазами провисла. Габриэлла охала и причитала, помогая старику подняться, что-то внушала ему. Немец смотрел водянистыми глазами на насупленного оперативника, держался за сердце.

– Эх, дядя Федя, съел медведя... – хмыкнул Вобликов. – Теперь немцы будут думать, что мы со стариками воюем.

Шашкевич сплюнул и растер носком сапога.

– А чего? Он сам полез на меня. Ну, подумаешь, вlepил фрицу – ведь не прикладом же, не пулей... Вроде взрослый человек, сколько ему там – семьдесят пять?

– Уже не взрослый, – усмехнулся Корзун.

Инцидент замяли, отнеслись с юмором. Торшер – не автомат МР-40 и не фаустпатрон. Посмеялся Вобликов: ладно, прощаем, все равно мы их победили. Старика увели – он тяжело дышал, прихрамывал.

– Торшер – одна единица, – загибал пальцы Вобликов. – Картина в рамке – два. Пострадавший немецкий пенсионер – уже три... Побудем еще немного, товарищ майор? Гулять так гулять, чего там.

– Хватит паясничать, – рассердился Ракитин, – собираемся, уходим.

– Пожалуйста, отнеситесь снисходительно, – взмолился Крейцер. – У Густава и так не в порядке с головой, он верил всему, что писали в газетах и говорили по радио. Старик понятия не имеет, что на самом деле вытворяли национал-социалисты. Он добрый человек, просто запутался. Габриэлла с Барбарой тоже страшно испуганы, они не ожидали, что вы сюда придете. Вы для них... – Крейцер замялся, гадая, как бы мягче выразиться.

– ...хуже татаро-монгольской орды, – подсказал Ракитин. – Все понятно, Людвиг, оболванили вашу нацию – скажите спасибо господину Геббельсу, застрывшему в бункере. Ладно, не волнуйтесь, мы с женщинами и стариками не воюем. Даем вам десять минут побыть с семьей – успокойте их, убедите в светлом будущем, а потом присоединяйтесь к нам. Мы будем курить за дверью.

– Да уж, нехорошо получилось, – сетовал Вобликов, когда опергруппа расположилась на крыльце. – Но ничего, многие вообще без домов остаются. Задумались, товарищ майор?

– Что ты, Вобликов, – вышел из оцепенения Ракитин. – Я такой ерундой не занимаюсь. Некогда думать – работать надо. Впрочем, есть одна идея.

– Не поделитесь?

– Потом.

– Зачем мы сюда приехали, товарищ майор? – спросил Корзун. – Полюбоваться на этих «плоскодонок» и их пришибленного старца? Вы хотели убедиться, что Крейцер не врет и в деревушке действительно проживает его семья? Не могу избавиться от чувства, что вы имеете на гауптмана виды...

– А вдруг сбежит? – засомневался Шашкевич, косясь на дверь. – Ломанет через задний ход, и ищи ветра в поле.

– И бабы ломанутся вместе с ним, – вздохнул Андрей. – И хромоногий старик. Ты в последнее время стал редко пользоваться головой, Федор, это дурной знак.

На крыльцо вышел бледный обреченный Крейцер.

– Легок на помине, – развеселился Вобликов. – Итак, товарищ майор, пожили деревенской жизнью, можно возвращаться?

Глава третья

16 апреля за два часа до рассвета вся мощь 1-го Белорусского фронта обрушилась на Зееловские высоты. Они прикрывали Берлин с востока. Полчаса продолжалась артиллерийская подготовка, потом вспыхнули полторы сотни зенитных прожекторов, и пехота повалила на штурм. Первую линию обороны прорвали быстро, вышли на второй рубеж, где штурмовые батальоны и столкнулись с ожесточенным сопротивлением.

Обороне Зееловских высот немцы уделяли особое внимание. Все резервы группы армий «Висла» были брошены на этот участок. Тяжелые бои продолжались больше суток. Ударные подразделения занимали опорные пункты – и снова откатывались из-за яростных немецких контратак. Наступление выдыхалось, части несли потери. Узел обороны на высотах оказался неодолимым для стрелковых соединений. Успех операции находился под угрозой.

Маршал Жуков до последнего не хотел вводить в бой бронетехнику, но другого выхода не оставалось. На прорыв устремились соединения 1-й и 2-й танковых армий. Немецкое командование вводило в бой последние резервы. Разгорелось отчаянное сражение.

К утру 18 апреля танки пробили вторую линию обороны. А еще через сутки пала третья полоса, и дорога на Берлин оказалась открытой.

Генерал Буссе, командующий 9-й армией, слал отчаянные депеши в ставку: армия под угрозой окружения, дайте приказ отвести войска к Берлину! План был поддержан командованием группы армий «Висла» – 9-я армия могла превратить Берлин в совершенно неприступную крепость. Гитлер все испортил, отклонив предложение и приказав любой ценой удерживать рубежи.

20 апреля дальнобойная артиллерия 3-й ударной армии обрушила смертоносные «подарки» на Берлин. Части 47-й армии, 3-й и 5-й ударной, 8-й гвардейской армий прорвали третью линию обороны на Зееловских высотах, и в пригородах Берлина завязались бои. На юге наступал 1-й Украинский фронт.

21 апреля к городу с юга подошли части танковой армии Рыбалко. Замыкалось кольцо вокруг Берлина. 23 апреля пал пригород Карлхорст, советские войска отбили часть района Копеник. 9-я армия генерала Буссе оказалась окружена юго-восточнее столицы, она стала предпринимать попытки пробить кольцо. Командующий армией умело маневрировал своей 200-тысячной группировкой, несколько раз прорывал окружение, но подходили свежие танковые колонны и рассеивали противника по лесам. Просочиться через лесные массивы на соединение с армией Венка удалось лишь немногочисленным группам...

– Проходи, майор, присаживайся, – радушно предложил полковник Старыгин, начальник армейского управления контрразведки.

– Есть, товарищ полковник. Имеется идея, но такая авантюрная, что страшно предлагать. Вы помните некоего полковника Абвера Йозефа фон Трауберга? Мы несколько раз пытались выйти на его след, но все попытки проваливались. Теперь он носит звание бригаденфюрера СС, является одним из заместителей Вальтера Шелленберга и до вчерашнего дня находился в бункере рейхсканцелярии. Скорее всего, он и сейчас там находится, но боюсь, это не затянется. Фон Трауберг не та фигура, чтобы до последнего наслаждаться истеричными припадками Гитлера, а потом умереть с именем фюрера на устах. Он прагматик и наверняка уже имеет план бегства из окруженного Берлина. Если он бесследно исчезнет со всем своим багажом знаний, будет обидно.

– И что ты предлагаешь? – Полковник напрягся, побелело и без того иссушенное лицо.

Выслушав соображения майора, он подметил:

– То есть ты все придумал, спланировал, а теперь просишь у меня разрешения?

– Чем мы рискуем, товарищ полковник? Жизнью немецкого гауптмана, решившего от безысходности переметнуться на нашу сторону? Он будет знать, на что идет, не откажется... вы понимаете, по каким соображениям. Шантаж – не наш конек, но дело того стоит. С его семьей в любом случае ничего не случится – это обычные мирные люди. Но Крейцер-то об этом не знает.

– Полагаешь, он справится?

– Я ничего не полагаю, товарищ полковник. План сырой, требует доработки и всестороннего осмысления. Психологический портрет Крейцера пока не вырисовывается, и о его возможностях не могу сказать даже приблизительно. Но есть интуиция, и она подсказывает: отвергать эту возможность мы не имеем права. Решать надо быстро, пока отсутствие Крейцера в бункере еще как-то можно объяснить.

– Знаешь, ты меня удивил, майор. – Начальник контрразведки почесал кончиком карандаша затылок. – Ну, что ж, обработайте фигуранта, обсудите детали и через час – ко мне с подробным планом.

– Есть, товарищ полковник!

И снова прежним составом они сидели в учебном классе. Здесь преподавали анатомию. Из застекленного шкафа скалился скелет, на стенах висели плакаты, живописующие строение человеческого тела. Над доской, покрытой слоем пыли, красовались неизвестные оперативникам бородастые господа – явно не Карл Маркс и Фридрих Энгельс.

– Я плохо понимаю, господин майор... – взволнованно бубнил Крейцер, – я дезертировал из немецкой армии, пришел к вам, готов сотрудничать – предоставить все имеющиеся у меня сведения... Я не хочу возвращаться обратно – это просто невозможно...

– Ваш багаж знаний, Людвиг, фактически ничего не стоит, – терпеливо объяснял Раки-тин. – Война почти окончена, в нем отсутствует практический смысл. Таким путем вы свою вину не искупите. Нам нужен Йозеф фон Трауберг – непосредственный шеф вашего шефа штандартенфюрера СС Кампфа, а стало быть, и ваш шеф. Трауберг нам нужен только живым. Почему он нам нужен – можете сами догадаться. И ваше мнение в этом вопросе нам несколько не интересно. Решайте, Людвиг. На кону не только жизнь и благополучие вашей семьи, но и ваше будущее. Как офицер уполномоченного органа заявляю со всей ответственностью: в случае успеха операции вы получаете амнистию, можете воссоединиться с семьей и жить там, где вам вздумается. Ваша вина будет считаться искупленной, что подтвердят документы. Это не просто слово офицера, а слово офицера, понимающего свои возможности. Думайте, Людвиг. Даю минуту.

На пленного было жалко смотреть. Он не был образцом отваги и хладнокровия, он ни разу не ходил в атаку, не подвергался реальной опасности – всю войну провел в кабинетах и на учебных полигонах. Крейцер тихо зеленел, хотя и пытался сохранить остатки самообладания.

– Не понимаю, в чем дело, герр Крейцер. Вам не в ад предлагают спуститься, а временно вернуться на свое рабочее место, где вы, кстати, были еще вчера. Привычное окружение, знакомые, с которыми можно непринужденно поболтать. И риск не такой уж отчаянный: вас не заставляют лезть под бомбы, а при встрече с советскими военнослужащими – как можно выше поднимайте руки.

Пленник тоскливо изучал пространство.

– Не внушает он мне доверия, товарищ майор, – совершенно справедливо заметил Корзун. Остальные утвердительно закивали.

– Не справится, – добавил Шашкевич, – кишка тонка. Он уже перетрусил, а что потом будет?

– Думай о человеке плохо – не ошибешься, – мудро заметил Вобликов.

– А я вообще не понимаю, как вы его собрались доставить в бункер, – сказал Корзун. – Диппочтой?

– Все высказались? А теперь помолчите. Итак, ваше слово, Людвиг?

– Ладно, я готов умереть, – выдохнул Крейцер. – Лишь бы с моей семьей не случилось ничего страшного...

– Ошибаетесь, Людвиг. Умирать будете, когда мы вам разрешим. Вас переодели в гражданское платье, но ваше офицерское обмундирование в целости... если хорошо покопаться на заднем дворе. Чем хуже оно выглядит, тем лучше. Вам придется вновь переодеться. Решительное наступление еще не началось. Окрина Берлина на нашем участке фронта пока в руках нацистов. Нужно работать быстро, пока ситуация не изменилась. Мы доставим вас в район улицы Алленштрассе, где находится разрушенный цементный завод. Там ничейная земля. Найдем безлюдный участок. Пару кварталов вам придется пройти, скрываясь от людей. Потом можете соединиться со своими соратниками. Решения принимайте по обстановке, «легенду» сообразите сами. Предлагаю вариант. Вчера вы возвращались из подразделения майора Краубе, по дороге дозвонились до бункера, доложили о выполнении задания. То есть полковник Кампф в курсе, что задание вы выполнили. Что произошло с диверсантами в Ханнесбурге – не ваша вина. Они могли проколоться на любой мелочи. Вы видели, как на восток гонят фольксштурм, попали под обстрел, получили контузию. Данную ситуацию предлагаю обыграть. Вас крепко контузило, вы долго пролежали без сознания среди развалин. Когда попытались выбраться, подвернули ногу, ударились головой... В общем, сами придумайте, как вышло, что вы сутки провели среди руин. Подозревать вас не будут – это форменная глупость. Учищать проверки – тоже. Можете ударить себя чем-нибудь по голове – несильно, конечно...

– Можем и мы ударить... – не сдержался Шашкевич.

– Не позднее чем через три-четыре часа вы должны добраться до бункера и доложить полковнику Кампфу о прибытии. Пусть вас покажут врачу. Уверен, ваше появление не вызовет вопросов, ведь сейчас такое в Берлине творится... Сообщите Кампфу, что, несмотря на свое состояние, вы готовы выполнять обязанности. Будем надеяться, что вас оставят в бункере. Если нет, вы должны придумать, как об этом сообщить. Получите частоту в диапазоне УКВ, все ваши донесения будут незамедлительно поступать нашим радистам. Используйте немецкий язык, без кодировки – в условиях текущей неразберихи вас не вычислят. И все же на случай провала будете иметь особый сигнал. Сейчас мы пройдем в соседний отдел, там вас инструктируют. Регулярно шлите донесения, даже если ничего не происходит. Ваша цель – бригаденфюрер Трауберг. Постарайтесь втереться к нему в доверие. Мы обязаны знать о его перемещениях. Через несколько дней он предпримет попытку к бегству – в этом нет сомнения. Маршрут и техническое обеспечение он давно продумал. Мы должны об этом знать. Сообщайте также все, что происходит в бункере. Решите вопрос с отправкой донесений. Служивцы не будут всматриваться, кому и что вы стучите. Упустите Трауберга – постарайтесь добыть Кампфа. Появится ясность с маршрутом – сразу доклад, мы подскочим.

– Подскочите? – Пленник недоуменно моргнул. – Это каким же образом?

– Не забывайте, что через несколько дней обстановка в Берлине кардинально изменится. Кольцо сожмется, и крысы побегут с тонущего корабля. Помните, что Трауберг нужен нам только живым. Не сможете втереться в доверие – хотя бы выясните его маршрут. Если что, уходите с ним на Запад, но не забывайте, что в Ханнесбурге остается ваша семья. Наши координаты: Управление военной контрразведки 8-й армии, полковник Старыгин, майор Ракитин... или кто-то другой из упомянутой структуры. Готовы, Людвиг? Чай с ватрушками не предлагаем. С семьей вы больше не увидите, но мы позаботимся о ваших домашних...

Штаб армии по-прежнему оставался в Ханнесбурге. Но свой командный пункт генерал-полковник Чуйков распорядился вынести западнее, в район пересечения улиц Вильтен-

штрассе и Хальгердамм. Штурмовые отряды входили в Берлин, начинались бои в городском пространстве. По данным разведки, относительно спокойно было в восточной промышленной зоне, в районе цементного завода. Раньше там находилась зенитная батарея, и в этой связи завод практически стерли с лица земли.

Танки в этой местности были бесполезны. Ударные группы прорывались в город севернее и южнее, занимали плацдармы, приступали к активной обороне. Из пригородов била советская артиллерия. Над восточными районами Берлина нависло плотное облако порохового дыма. В небо прорывались языки пламени. Грохот стоял, как в мартеновском цехе.

«Опоздали, – скрипел зубами Ракитин, – что мешало приступить к операции на пару часов раньше?»

Покрытый слоем копоти «Виллис» прыгал по колдобинам. Шашкевич, высунув от усердия язык, крутил баранку. Группу сопровождал маневренный грузовичок «ГАЗ-4» грузоподъемностью 500 кг. В этот час он шел с перегрузом – полковник Старыгин выделил отделение солдат во главе с издерганным сержантом Кузьминым. Красноармейцы теснились в кузове как селедки в бочке.

Машины объезжали воронки, груды строительного мусора. Проплывали разрушенные промышленные объекты, огрызки стен, скорбно устремленные в небо.

В соседнем квартале советские танкисты выработывали боезапас. С грохотом рушились строительные конструкции, вставала пыль вперемешку с дымом.

За спиной отчаянно ругались красноармейцы. На последнем контрольном посту маленькую колонну остановили автоматчики. Недавно они попали под завал – все как один были покрыты слоем цементной пыли и походили на озлобленных мумий.

Бойцы выбрались из-под обломков, окружили машину, наставив автоматы. Ракитин сунул старшему под нос красное удостоверение с характерным тиснением на обложке: «НКО, Главное управление контрразведки СМЕРШ». Даже в грохочущем аду алые корочки произвели впечатление.

– Конечно, проезжайте, товарищ майор, – крикнул сержант. – А это у вас что?

«Это» был Крейцер с мешком на голове. Мешок был большой, полностью облегал туловище и руки. На виду оставались только нижние конечности в суконной материи немецкого образца. С двух сторон Крейцера подпирала Вобликов и Шашкевич.

– А что с ним такое? – не понял Андрей.

– Так это... – сержант растерянно поморгал, – в мешке-то человек...

– Ну да, в мешке, – согласился Ракитин. – Тебя что смущает, сержант? Кот в мешке, слышал о таком? Хочешь выяснить, кто он такой и куда его везут? Еще раз служебный документ показать?

– Не надо, товарищ майор, езжайте, куда вам нужно... – Сержант попятиться, машинально присел, когда в соседних развалинах что-то ухнуло и взметнулась туча пыли. – Только будьте осторожны, здесь у нас последний пост, дальше клочок нейтральной земли, а за цементным заводом немцы...

– Спасибо, что предупредил, сержант...

Окрестности завода плавали в сизом дыму. Ветер сменил направление, подул с запада. Развалины вставали стеной, ехать дальше было невозможно. Узкий проезд завалили огрызки кирпичной кладки.

Шашкевич вывернул руль, ударил по газам, рассчитывая использовать в качестве трамплина наклонную бетонную плиту. Но передумал и в последний момент отчаянно затормозил. Все смешалось в машине.

– Слушай, ты, джигит! – заорал Ракитин. – Дрова везешь?! Все целы? Хватит, дальше не проедем. К машине! Да снимите вы с него мешок, он там скоро задохнется! – Майор выпрыгнул

из машины, стал энергично семафорить. «ГАЗ-4» резко встал, красноармейцы попрыгали на землю. – Кузьмин, прикрывайте!

Автоматчики рассредоточились по задымленному пространству в ожидании указаний. С Крейцера стащили мешок, добежали до ближайшей канавы, спрятались.

Гауптман привалился боком к стенке канавы, надрывно закашлялся, держась за живот. На него было больно смотреть: волосы дыбом, глаза навывкат, щегольской китель порвался. Скатываясь в канаву, он ухитрился ободрать колени, и даже нос был измазан желтой глиной.

Раздался протяжный свист. Он нарастал, делался нестерпимым. Шальная мина рванула метрах в семидесяти левее, разметала недоломанную постройку.

– Детство напомнило... – Вобликов икнул. – В игру играли: на кого бог пошлет. До последнего не знали, кому прилетит...

– Я не пройду, это безумная авантюра, господин майор... – прохрипел Крейцер. – Район простреливается, они поймут, что я иду с вами, и просто меня прикончат... И вас прикончат...

– Не каркайте, Людвиг! – Ракитин и сам закашлялся, стал прочищать пальцем ухо. – Кузьмин, у вас все целы?

– Так точно, товарищ майор!

Разрушенные здания мелькали перед глазами ломаными зубцами. Советская артиллерия в этом районе потрудились на славу, немцы отошли, забрав убитых и раненых, но «свято место» осталось пусто – советские войска сюда не вошли.

На севере шла шумная перестрелка, били башенные орудия, взрывались гранаты.

Оперативники по одному покинули канаву, побежали, пригнувшись, к соседним развалинам. Мускулистый Шашкевич волок за руку Крейцера. У того заплетались ноги, обращаться с ним обходительно уже не было возможности!

Позади мелкими группами перебежали автоматчики, от которых пока не было никакой пользы. Снова трещина в земле – скатились в нее, перевели дух. По курсу маячило относительно целое двухэтажное здание с внушительным арочным проездом. Посреди проезда застыл остов сгоревшего грузовика – из кузова торчали ноги в гражданских ботинках. Ракитин осмотрел свое крохотное войско. Люди еще не выдохлись, умирняли сбившееся дыхание. Помалкивал Крейцер, только харкал подозрительно красноватой слюной.

– Вы в порядке, Людвиг?

– Да, в порядке, с почками застарелая беда... – Крейцер побагровел, надулся, как воздушный шарик, стал надрывно кашлять.

– Обязательно покажитесь врачу, не тяните с этим. В больном виде вы нам не нужны. И о семье подумайте – зачем им больной кормилец?

Крейцер не выдержал, засмеялся, и этот смех был настолько жуткий, что даже Корзун с опаской отодвинулся от немца.

– Бежим в арку, товарищ майор? – предложил Вобликов и, не дожидаясь ответа, стал выбираться из канавы. Очередь из пулемета чуть не прошила его! Вздыбился бугор, разлетелся на куски одинокий кирпич. Молодой лейтенант с истошным криком повалился обратно, волоча за собой осыпь из глины и камней. Тут же вскочил, стряхивая с себя землю.

– Куда без команды? – разозлился Ракитин. – Подохнуть хочешь?

– Нет, товарищ майор, я от смерти не жду ничего хорошего... – Олег опустил на колени, перевел дыхание.

– Хреново, – выразил свое мнение Корзун, – пулеметчик в развалинах объявился, где-то справа. А так хотелось спокойно пожить...

«Косторез» продолжал грохотать, но теперь пулеметчик стрелял по другим объектам – очевидно, по перебегающим бойцам Кузьмина. Те огрызались беспорядочным огнем. Андрей рискнул высунуться. Стреляли из развалин справа – в темноте первого этажа, превращенного в насквозь продуваемое пространство, разражались витиеватые вспышки.

– Кузьмин, подавить огневую точку!

Пулеметчика засекли, окатили валом свинца. Но он неплохо укрылся. Развалины помолчали некоторое время, потом опять заработал пулемет. Стрелок сменил позицию. Трещали очереди, пули перепаживали горы мусора. Среди развалов камня мелькали каски автоматчиков – бойцы переползали. Кто-то швырнул гранату, она упала с недолетом, выбросив облако дыма. Под его прикрытием перебежали несколько человек. Теперь их позиция оказалась выгоднее, и, когда пулеметчик вновь припал к своей «машинке», его накрыл град пуль. Одинокого стрелка встряхнуло, блеснула каска, слетающая с головы, пулеметчик скатился, расшвыривая кирпичную крошку.

– Мужики, спасибо! – гаркнул Андрей. – Кузьмин, отводи людей, дальше сами, нечего толпиться!

Снайперы – кто с пулеметом, кто с фаустом, кто со снайперской винтовкой – растеклись по всему Берлину, устраивали гнезда в развалинах, выскивали мишени. Но в этом районе больше никто не стрелял.

Крейцер получил тычок для ускорения и первым метнулся под арочный свод. Свалился под колеса сгоревшего грузовика, перевел дыхание, держась за грудь. Остальные повалились рядом, давясь матерками.

– Говорил же, Людвиг, все у вас получится... – выдохнул Андрей. – Не обижайтесь, что иногда приходится распускать руки, иначе вас с места не сдвинешь... Отдышались? Вперед!

Снова запрыгали с места на место, понеслись через открытые участки. Остался позади замкнутый двор, по курсу выросла вереница трехэтажных жилых строений, имеющих жалкий вид. В стенах зияли провалы, чернели оконные глазницы. Там могли быть снайперы.

Яростно зашипел Корзун, показал пальцем. В стороне пробегала канава со вскрывшимися канализационными трубами. Контрразведчики скатились в нее, потом полезли наверх, озираясь. Бег с препятствиями продолжался еще минут пятнадцать. В канаве валялись истерзанные трупы в штатском, с повязками фольксштурм на рукавах. Видимо, прятались от обстрела и дружно попали под снаряд.

В здании напротив зиял пролом, до него можно было добежать за несколько секунд. Но снова пришлось переждать, вонзая ногти в спрессованный грунт, – дрожала земля, бой в соседнем квартале разгорелся нешуточный, падали шаткие конструкции, оседали, разрушаясь, фрагменты стен. Разлетались осколки, над канавой проносились шальные пули.

– Всем лежать, – приказал Ракитин, стаскивая сапог и высыпая из него землю. Портянка почернела, превратилась в жалкий комок материи.

– А чего лежать-то? – буркнул Вобликов. – Дыра рядом, добежим.

– Лежать, говорю! Заняться нечем? Путевые заметки пиши! Успеете еще на тот свет!

– А мы и так на том свете, – проворчал Шашкевич, свернулся рыболовным крючком и принялся рыться в папиросной пачке. Там все превратилось в квашню. Шашкевич ругнулся, сунул в рот щепотку табака с обрывками курительной бумаги, стал усердно жевать. Остальные терпеливо ждали. Крейцер уткнулся носом в землю, прерывисто дышал. Вся его спина была белой. Китель порвался, разошелся по шву. Пальба в соседнем квартале стала стихать, потом и вовсе прекратилась. Сквозь звон в ушах прорывался рев танкового двигателя. Танк пятился, шум затихал. Через пару минут настала оглушительная тишина.

– Поднялись, – скомандовал майор. – В дыру...

Позади строения начинались городские кварталы. За бетонным забором что-то густо дымило – возможно, хранилище нефтепродуктов. Округа казалась вымершей. Кое-где валялись неубранные трупы. Вдоль кирпичного забора в глубину квартала вел проход.

– Давайте, Людвиг, чешите. Честно говоря, надоело с вами нянчиться. Как говорят в ваших верующих кругах, да хранит вас бог.

– Хорошо, я пойду... – Крейцер колебался. Он действительно не хотел возвращаться, это сквозило в каждом его движении и каждой гримасе.

– Вдоль забора, – сориентировал его Ракитин. – Бегите что есть сил, можете что-нибудь кричать, махать руками. А мы поорем вам вслед, постреляем... Не волнуйтесь, не попадем.

Они задумчиво смотрели вслед убегающему немцу. Все было зыбко, шатко, весь план мог рухнуть из-за малейшей случайности. Они кричали что-то непереводимое, стреляли в воздух, потом попятились за угол и припустились в уже знакомую подворотню.

– Хоть бы дошел, гаденыш немецкий... – в сердцах сплюнул Вобликов. – Знаете, товарищ майор, не понравился он мне – на ногах еле стоял и столько обреченности в глазах...

– Не волнуют меня его дела, – фыркнул Шашкевич. – Хотя интересно, как он будет выкручиваться, если добежит, конечно, до своих...

– Лучше бы добежал, – подал голос Корзун. – Столько времени, сил и нервов на него затратили, жалко будет, если все впустую. А еще назад идти. Даже не знаю, дойдем ли...

Обратная дорога короче не показалась. За развалинами снова разгорелся бой – теперь уже на юге. Оглушительно ухали самоходные артиллерийские установки. Остатки зданий рушились, как картонные коробки. Доносились истеричные выкрики на немецком языке. Встречаться даже со своими было смертельно опасно. Люди в офицерской форме, бегущие со стороны неприятеля, – это готовые лазутчики!

Оперативники крались по канаве, потом перебежали открытое пространство, снова погрузились в огромную трещину. Из нее торчали обломки канализационных труб.

В соседнем квартале раздался оглушительный треск – переломилась бетонная опора, подпиравшая массивную конструкцию. От грохота заложило уши. После двух последующих взрывов стало казаться, что уши отказали начисто. Офицеры ругались, хлопали ладонями по ушам. И снова чуть не вляпались! В самый последний момент послышались крики. К канаве бежали несколько человек – видно, искали укрытие. Выстреливали камни из-под ног, доносилась подзаборная брань.

– Вобликов, назад! – ахнул Ракитин, хватая подчиненного за шиворот и втаскивая за расколовшийся бетонный кожух.

– Их немного, товарищ майор! – проорал Шашкевич. – Справимся! Ну, что, шашки наголо?

Вот чего, спрашивается, орал? Впрочем, немцы тоже оглохли и вряд ли что-то слышали.

Шашкевич метнулся за выступ в скате, Корзун плашмя распростерся в грязи. Из соседнего квартала выбежали пять немецких солдат. Видимо, навоевались, а может, решили отсидеться, пока не улягутся артиллерийские страсти. Они скатились в канаву, взбудораженные, залитые кровью. Двое были в расстегнутых шинелях, остальные в кителях «фельдграу». У двоих – автоматы МР-40, другие с карабинами. Они наперебой кричали, что надо убираться из этого района, что эти чертовы русские совсем озверели!

Встреча вышла занятной. Скотившийся первым гренадер выпучил глаза, уткнувшись в строгий и принципиальный взгляд майора советской контрразведки. Жалобно ахнул: «О майн гот!», кинулся поднимать оброненный карабин. Пусть бы даже руки поднял – не было сегодня намерения брать пленных! Андрей стрелял, не отнимая палец от спускового крючка, во рту скрипели и едва не ломались зубы. Стреляли и остальные, кто успел среагировать.

Не спрятаться в этом хаосе водопроводных труб, где даже бетонные кожухи – высотой в полметра! Только один успел схватиться за оружие, но выронил автомат, подогнулись ноги, и он упал на спину, скалясь с таким упоением, словно в жизни настало что-то светлое и радостное.

Трое рухнули как подкошенные, причем поочередно, падали, как подпиленные столбы. Один успел развернуться, полез обратно, крича во всю глотку и впиваясь в землю ногтями.

Предчувствия не подвели: две пули угодили в мягкие ткани – и, судя по воплю, эти ткани оказались очень мягкими!

Шашкевич сорвался с места, полез на склон, схватил бедолагу за ноги, потащил вниз. Тот свалился на дно канавы, вереща от пронзительной боли, извивался, словно червяк на крючке, одержимый тягой к жизни. Он едва руку не прокусил Шашкевичу – благо тот успел отдернуть! Старший лейтенант, кипя от бешенства, схватил солдата за ворот шинели, подтащил к бетонной опалубке и самозабвенно ударил его затылком о твердый бетонный край, при этом входя в раж. Он не очнулся, даже когда противник утратил признаки жизни, а затылок раскололся как орех. Корзун схватил товарища за рукав, оттащил от труп.

– Федя, кончай, ты что его колотишь, как воблу?

– Молодец наш Федор, – хмыкнул Вобликов, – всего добьется. Даже того, чего не надо. Полегчало, Федор Емельянович?

– Да идите вы... – Шашкевич успокоился, стал себя ощупывать, словно отходил от анестезии.

Мертвецы валялись с перекошенными лицами, в глазах запечатлелся животный страх. Судя по одеянию, солдаты вермахта, инженерное подразделение. Кроме этой пятерки, никого. Вобликов вскарабкался наверх, осмотрелся и сполз обратно.

– Все спокойно, товарищ майор. Ну, что, Гитлер капут? – Он надрывно засмеялся.

– Да, капут продолжается, – согласился Андрей. – Но если дальше пойдет тем же образом, то это слово и нам привидится. Вспоминайте, где мы оставили машину.

– А чем мы должны вспоминать, товарищ майор? – жалобно протянул Шашкевич и начал подниматься. – Эх, грехи наши тяжкие...

– Я помню, – сказал Корзун. – У меня вообще великолепная зрительная память. Нам осталось метров триста – там машина, если еще не угнали. Разрешите возглавить процессию, товарищ майор?

– Действуй, – кивнул Ракитин. Что-то с памятью сегодня стало – смешалось все в голове, мертвые черти громоздились штабелями. Требовался вдумчивый перекур, но это стало бы непозволительной роскошью...

Глава четвертая

К вечеру 23 апреля штурмовые колонны уже вели бои на улицах Берлина, медленно продвигались к центру. Войска несли тяжелые потери, постоянно требовались подкрепления. Общая протяженность фронта в районе германской столицы составляла 100 километров и на первых порах практически не менялась. Каждый встречный дом оказывался крепостью, щетился огнем. Улицы перегораживали баррикады, в том числе из перевернутых трамваев и грузовиков. Многие улицы были узкие, танкам негде было развернуться. Их поджигали из ручных гранатометов – стреляли из чердачных окон, из подвальных помещений. Подбитые танки перегораживали проезд, наступление стопорилось. Их пытались оттащить с помощью тросов, но подбивали и буксиры.

Пехота на узких улочках попадала под шквальный огонь, автоматчики металась, ища укрытия. Отдельные группы просачивались на параллельные улицы, но там происходила та же картина. Иногда штурмовые отряды немцы пропускали, а потом били с тыла – из-за угла, из окон, забрасывали гранатами или бутылками с зажигательной смесью.

Каждую штурмовую колонну сопровождали легкие полевые орудия. Их тащили на «ГАЗ-67», но машины не всегда удавалось даже развернуть. Немцы уничтожали расчеты, разворачивали пушки и били из них по советским порядкам...

С приходом темноты наступление замедлилось, многие части остановились, занимая оборону в отбитых зданиях. На отдельных участках, где оборона противника была наиболее сильная, войскам вообще не удалось продвинуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.